

В. К. Тредиаковский

Сочинения и переводы
как стихами, так и прозою

Москва
«Книга по Требованию»

УДК 82.09
ББК 83.3
В11

В11 **В. К. Тредиаковский**
Сочинения и переводы: как стихами, так и прозою / В. К. Тредиаковский – М.: Книга по Требованию, 2021. – 668 с.

ISBN 978-5-02-027039-8

Переиздание единственного прижизненного собрания сочинений Василия Кирилловича Тредиаковского включает в себя два тома, в которые вошли теоретические труды и стихотворные произведения автора. Настоящее издание представляет собой опыт критического издания, в котором тексты даются по современным нормам орфографии, что делает старинные произведения доступными современному читателю.

ISBN 978-5-02-027039-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Том первый

К читателю

В самом начале сих моих трудов предлагается вам, благосклонный читатель, «Наука о стихотворении и поэзии», сочиненная от Боало-Депрео, французского славного сатирика. После Горациевы эпистолы о той же материи к Пизонам, римским знатым особам, сия Депреова почитается искусными за верх совершенства в сем роде. И поистине, все, что ни сочинял Боало, есть исправное и удивительное; но «Наука» его пиитическая, кажется, пред всем находится превосходная как в рассуждении состава стихов и чистоты языка, так и в рассуждении порядка и правил, в ней предлагаемых. С другой стороны, ей и не быть совершенною невозможно: почерпнута она из самого чистого источника, а именно, из помянутых Флакковых эпистолы. В сей взял мой автор не токмо план, но и по самой большей части изображения, а правила все без изъятия; сим токмо отличается последний от первого, что переднее римское иногда есть заднее французское и что пространнейшее во французском чтется на некоторых местах сокращеннейшее в латинском писателе, и вопреки. Впрочем, коль подлинник есть неподражаемым, толь и список. Оба из сочинителей на своем языке авторы, хотя и обоим был преднейший предводитель, латинскому — греческий Аристотель в наставлениях своих о поэзии, а французскому — латинский Гораций; и потому оба велики, что у обоих были пред очами образцы всесовершенные в том.

Что ж до меня, французскую Боало-Депреову «Науку», как большей части читателей известнейшую, составил и я нашими стихами; а для показания всем, что Боало-Депрео все-на-все взял из Горациевы, не оставил я и сея и положил ее после, но токмо прозою. Довольно стихов для чтения

и в четырех песнях Боаловых, но в различие тоя ж самая материи, рассудил я, что одно которое-нибудь из сих сочинений лучше представить прозою. Пал жребий судом моим, чтоб Горациевой эпистоле быть свободным, а Боаловой «Науке» заключенным словом и предшествовать. Причина сему не убежание от трудности, коя в обоим случае велика, ³⁰ но токмо мое произволение: могла и Горациева также быть составлена стихами, могли и обе предложиться прозою. Однако мне показалось пристойнее, чтоб одно предызъявляло важность токмо правил в подтверждение их в другом, а сие другое, представляя прежде ту ж самую твердость, услаждало б притом и мерою, и рифмою и чрез то б больше предуготовило разумы к внятию их в последнем; итак, другое сие преимущество присудил я Боало-Депреову сочинению. Сего главные разделы различил я между собою не одними пространнейшими пробелами, но еще и стопою стиха гексаметра, ибо, первую песнь воспев ямбическим стихом, вторую пою хореическим, равным образом и третью с четвертою песнию по пременам. Не ⁴⁰ оставляю вам донести, благосклонный читатель, и сие, что каждый Боалов стих изображается каждым же моим одним, так что сколько у Боало во всякой песни и во всех четырех стихов, столько ж и у меня во всем том составе; сие, подлинно, весьма трудно, но сил человеческих не выше.

Как то ни есть, токмо признаваю с болезнию сердца, что сие самое донесенное теперь вам, благосклонный читатель, которое казалось бы ⁵⁰ долженствовавшим приносить мне честь за подъятие труда и за обогащение нашего языка тем, чему у нас давно быть надлежало, и еще при самом начатии словесных красных наук, напротив того, скоряе, может обратиться в причину укоризны и похуления. Различных пристрастий языки не преминут, может быть, разглашать следующее: 1) «Возможно ль статься, чтоб переводные стихи с стихов могли быть столько ж хороши, сколько подлинные, для того что и прозаический перевод теряет много силы и красоты пред подлинником, не то что стихи?» 2) «Да как сему пиитическому переводу быть притом и хорошему, потому что трудившийся употребил тут же хореический гексаметр, который токмо нежен, а не один ямбический, кой есть высок и благороден».

Весь сей вопль кто услышит издали, тому он может либо послышаться основательным, но приложившего ближе к нему свои слухи едва ль он в состоянии, обольстив, оглушить: он ни пошлыя не имеет твердости. Что ж бы ⁶⁰ сие вам, благосклонный читатель, изъяснить, то прошу вас не поскучить, читая следующее.

Да твердят стремящиеся, что переводные стихи с стихов не могут быть хорошими, но и да знают, что сие произглашаемое вообще и без

всякого изъятия есть не весьма столько праведно, сколько думается. Такая неправда изобличается многими образцами. Известны Аратовы «Феномены», сочиненные греческими стихами. Сии все переведены на латинский язык стихами ж от Цицерона. Перевода сего видим мы многие отрывки в его ж Цицероновых книгах, названных «Об естестве богов». Каков же видим сей перевод? Пускай прочтется токмо оный отрывок, который начинается «E quibus hunc subter possis cognoscere fultum» и в коем находится 475 стихов, то есть довольно для чувствования сладости и на усмотрение великолепия в переводе; но я не знаю, мог ли быть толь изряден самый подлинник Аратов, коль перевод Цицеронов. Теренций, латинский комический пиит, кому не ведом за неподражаемое свое искусство в изображении нравов, за точное следование естеству, за неухищенную простоту, за красную и нежную чистоту языка и, словом, за все, так что никто к нему ближе подойти и с ним сверстаться не мог в Риме? Одна из его комедий, названная «Евнух», в тот же самый день дважды была представлена, поутру и ввечеру, чего еще по то время там отнюдь никогда не бывало. Но Теренций все свои комедии перевел стихами с греческих Менандровых. Цицерон об нем говорит, в некоторой из своих поэзий, проименованной «Луг»,¹ следующее: «И ты также Теренций, коего стиль есть толь исправен и толь исполнен сладости, ты нам переводишь и совершенно выражаешь Менандра, да и даешь ему говорить с несравненною сладостию римским языком, избирая все, что есть самое нежное и сладостное».² Подлинно, все искусные утверждают, что Теренций из переводчика с греческих стихов сделался подлинником в своих латинских! Кто скажет, говоря о новейших с стихов переводчиках, что французские стихи с аглинских Поповых о нравственной материи худы? Я не умею по-аглински, но читая французский перевод, чувствую, как и многие другие читатели, всю сладость и твердость подлинника; а сие самое и показывает достоинство перевода. И хотя исправность перевода ж, сделанного португальским графом Эрицейрою сей самой Боаловой «Науке», которую я ныне перевел по-нашему, нам, почитай, всем неизвестна; однако сам автор чрезвычайно похваляет оный в письме к помянутому графу, того ради должны мы поверить такому свидетелю и Эрицейрин перевод стихами ж

¹ Λεϊμών.

2

Tu quoque, tu solus lecto sermone, Terenti,
 Conversum expressumque latina voce Menandrum,
 In medio Populi sedatis vocibus effers,
 Quidquid come loquens, atque omnia dulcia linquens.

положить достойным и автора, и переводчика. Можно, впрочем, многих превосходных привести из новых переводчиков с стихов стихами; можно и о Сегрее утвердить, что он латинскую «Энеиду» перевел французскими стихами преизрядно. Корнелий премного переводил с латинских, Расин еще и больше с греческих и с латинских; что самое делали и другие из французов. Сам Боало-Депрео в том числе из первых. Но все они то сделали, и ныне другие подобно делают с довольною и еще с великою похвалою.

О прозаическом переводе с прозы я уже и упоминать боюсь: задавит меня неисчетный полк достойных и великих переводчиков, теснясь предстать ко мне, как хотящему их по именам перекликать. Того ради не упоминаю об Абланкуре, переведшем Минуция-Феликса, Тацита, четыре Цицероновы слова, Луциана, «Отшествие десяти тысяч греков» из Ксенофонта, Арриана об Александровой войне, «Известия» Цесарева, Туцидида, Греческую Ксенофонову «Историю», «Апофтегмы древних», «Стратегемы» Фронтинovy и прочая. Не говорю об Амелоте дела Гуссее, о Лудовике Жирие, о самом Депрео, предложившем с греческого Лонгина «О высоте мыслей и слога». Умолчиваю также о Дасиерах, муже и жене, претолковавших с греческого Плутарховых «Славных мужей» и Гомера, с латинского — Горация и частию Плавта. Не привожу аббата Беленжера, сделавшего с аглинского перевод житиям: Энееву, Туллову-Гостилиеву, Аристоменову, Тарквиниеву, кой старший, Юниеву Брутову, Гелонову, Кирову и Язонову. Не воспоминаю и о Лимиере, переведшем Плавтову комедии, а некоторые и стихами, также и об иезуите Санадоне — все дела Горациевы; ни притом еще о премногом множестве и, почитай, неисчислимом а о всех совершенных и достохвальных. Одного с меня довольно Вожласа, который один между толь многими светилами наподобие солнца, а перевел он на свой язык Квинта-Курция о делах, содеянных Александром Великим. Но как? так, что и донесь в сомнении находится дело между искусными людьми, лучше ль Курций латинский французского Вожласова или Вожласов французский лучше Курция латинского, то есть не могут прямо определить, подлинник ли совершеннее перевода, или перевод подлинника. Правда, я сию похвалу Вожласу всегда почитал и почитаю за пребезмерную, для того что вижу в ней чрезвычайное и самохвальное пристрастие народа к своему одноземцу. Роллень один из всего того народа назвал справедливее, для того что воздержнее, перевод Вожласов преизрядным только; сие случилось ему сделать при конце вступления в шестой том «Древняя» своя «истории», который и сам по большей части был во всей той «Истории» токмо преизрядный же переводчик то с греческого, то

с латинского, а часто еще и копист с французского по-французски ж. Как то ни есть, токмо ж сие непреодолеимо доказывает, что Вожласов перевод есть превосходный, что тмы находятся переводчиков прозаических с прозы самых добрых, исправных и таких, которых перевод не токмо не теряет ничего силы и красоты пред подлинником, но еще иногда несколько их подлиннику придает, а иногда и равняется с высотой оногo, и что довод от меньшего, как называют, к большему (то есть понеже перевод прозы много бывает ниже подлинника, то кольми паче перевод с стихов стихами ж) есть не весьма основателен, чтоб не сказать больше и справедливее.

Я за потребно рассуждаю предложить здесь теперь главнейшие критерии, то есть неложные знаки доброго перевода стихами с стихов. И во-первых, надобно, чтоб переводчик изобразил весь разум, содержащийся в каждом стихе, чтоб не опустил силы, находящийся в каждом же, чтоб то ж самое дал движение переводному своему, какое и в подлинном, чтоб сочинил оный в подобной же ясности и способности, чтоб слова были свойственны мыслям, чтоб они не были барбарисмом опорочены, чтоб грамматическое сочинение было исправное, без солецисмов и как между идеями, так и между словами без прекословий, чтоб, наконец, состав стиха во всем был правилен, так называемых затычек, или пустых бы добавок, не было, гладкость бы везде была, вольностей бы мало было, ежели невозможно без них обойтись, и, сколько возможно, чаще б богатая рифма звенела полубогатой, без наималейшего повреждения смыслу; и ежели находятся еще какие поспешествующие доброте перевода. Впрочем, к сему не всеконечно требуется, чтоб в переводе быть тем же самым словам и стольким же — сие многократно и почти всегда есть выше человеческих сил — но чтоб были токмо равномерные и, конечно, с теми точно самыми идеями.

Итак, ежели кому дадутся перевести следующие, например, Волтеровы стихи из его «Меропы»:

Quand on a tout perdu, quand on n'a plus d'espoir,
La vie est oprobre, la mort est un devoir,

а тот их и переведет сим образом:

Когда погибло все, когда надежды нет,
Уже поносна жизнь, оставить должно свет..,

то возможно ль без несправедливости сказать, что сей перевод худ? Он так исправен, как всякому искусному видимо, что, почитай, теми ж самыми состоит словами, не то чтоб в нем быть какому прекословию. Или также,

буде дастся сему переводчику перевести сей Горациев стишок из несравненных его третьих оды, книги третьих ж:

Iustum et tenacem propositi virum

так, чтоб переводу быть гексаметрами, в двух стихах и содержать бы целый разум, то есть чтоб сей стих изображал следующий смысл: муж правосудный есть непоколебим в намерении своем (как то и праведно, для того что твердое стояние в своем чем-нибудь без справедливости есть упрямство, а не постоянство), а тот и переведет его так:

180

Муж, праведно творяй суд купно милосердо,
В похвальнейших стоит намерениях твердо...

то как не утвердить, по самой истине, что переводчик удовольствовал требуемое от него? Он точно изобразил Горациевы мысли, а несколько их обогащая, не подменил за них противного разума словами.

Того ради все такое разглашение может токмо до меня одного коснуться, а не обще до всех и не до превосходных переводчиков с стихов стихами. Но впрочем, я в крайнем по сей причине нахожусь затруднении, не зная отнюдь, что и как бы мне должно было за себя на сие ответственность. Ежели предложить нечто умеренно, то как неприязнь страстей не заслужила умеренности, так и умеренность не весьма к тому прекланяет, чтоб словам моим поверить; но если б представить что-нибудь живяе, то смелость такая, и самая малая, бывает всеконечно досадна, а представляющему предосудительна. Итак, я оставляю определять о пиитическом моем переводе беспристрастным и справедливым. Да находят они, буде угодно, что такой мой перевод согласен ли несколько с критериями доброго перевода, от меня ж здесь предложенными; и да рассматривают, «больше ль в нем покажется хорошего, нежели неподтверждаемого, дабы удостоиться ему некоторого снисходительства»,³ я в глубоком о себе молчании пребываю, ведая что такие голоса по
200 большей части происходят то от незнания, то от наперсничества, то, наконец, от недоброхотства.

Между тем, дабы очистить второй пункт, уверяю, что не для того мой перевод долженствует быть недостаточным, что я употребил тут хорей-

ческий гексаметр при ямбическом. И поистине, я не токмо стою в моем мнении, что всякая стопа сама в себе ни благородна, ни нежна, но по речам, какими она состоять имеет, будет или нежна, или благородна, но еще и подтверждаю теперь оное следующим, что не может, как мню, всякому быть нечувствительно, ибо пример есть кратким путем, а рассказывание всякое ж долгим. Сделаем какой-нибудь стишок, состоящий ямбами и хорейми в одной материи и мере, и посмотрим, который из них будет благороднее. 210 Например, да будет сей тетраметр ямбический женский:

Я летом грому опасуюсь,

а хореический сей также тетраметр и женский же:

Летний гром мне страх и трепет.

Ясно, что оба сии стиха одну имеют меру, одно и то ж содержание, токмо стопу различную: первый составлен ямбом, а другой хореем. Но беспристрастные, бесспорно, и чувствуют притом, что второй громче. Однако ж, как мнят, первому стиху надлежит быть благородному, а другому нежному. Напротив того, Аристотель называл стопу ямб, как то Квинтилиан свидетельствует, нежною: «Iambus humanior videtur». Посему надобно, чтоб, по Аристотелеву, хорейю быть благородным. Впрочем, Гораций, пиит, величает 220 ямб громогласным: «popularis vincentem strepitus». Вот же одна и та ж самая стопа, по-философски, людскости исполнена, а по-пиитически — громогласием и, следовательно, пышностию воспрославлена. Без сомнения, некоторых польза хотела б, чтоб верить в том больше пииту, нежели философу. Но я хотя и твердое основание имею сказать, что достовернее в сем философ пиита, для того что тот больше слышал на своем языке звон ямбов, а сей взял и правила свои у того, однако утверждаю, что тому и другому долженствует токмо попускать так говорить, потому что они сказали, а всеконечно утверждаться на их мнении не должно, или обоих уже их над- 230 лежит между собою согласить, говоря, что *громогласие* у Горация значит *людскость* в ямбе, которая у Аристотеля. Ибо сим самым их прекословием доказывается мое мнение, что ни которая из тех стоп не имеет сама по себе и собственно в отличный характер ни благородства, ни нежности, но нежна или благородна та и другая по словам; да и самым опытом мнение мое подтверждается довольно.

Говорят: «тем есть благороден ямб, что он снизу наверх возносится; а хорей для того нежен и умилен, что сверху наниз упадает». Но я доношу, что сие есть пустое и ничего не доказывающее, ибо не можно меня никому,

ничем и никогда выбить из сих шанец, чтоб так сказать, а именно, ежели б
240 сие было праведно, то б Гомер греческий и латинский Virgilий, два пиита, коих материи нет во всей поэзии благороднее и выше как эпические, не писали своих поэм дактило-спондаическими стихами, кои сверху наниз уппадают подобно хореическим, но употребили б анапесто-пиррихические, которые снизу наверх восходят, равно как ямбические. Не могу не до-
нести: некто из искусных людей, чувствуя, что сие мое доказательство, приведенное в «Известии», положенном пред тремя парафрастическими
одами 1744 года, есть непреодолимое, попытался тем оное в слабость при-
вести, что у помянутых пиитов количество слогов есть несходное с нашим,
а именно, не тоническое, которое состоит в возвышении и понижении
250 голоса, но временем меряющееся, то есть состоящее в продолжении и со-
кращении человеческого произношения. Следовательно, по его, их стихи сверху наниз не падают. Замолчать бы мне надлежало, когда б сие заклю-
чение было твердое и праведное. Но по счастью, тщетная его попытка, для того что не может она получить себе чаемого успеха. Так, следовательно, я возражаю, или они у них снизу наверх возносятся, или все по одной
прямо и вровень степени катятся, ибо из сих двух которому-нибудь быть
должно, когда нет того третьего? Но то и другое безместное, как всеко-
нечно ложное. Подлинно и бесспорно, сверху наниз они уппадают, для того
что самый первый слог стиха всегда есть у них долгий и всегда, внятно
260 извольте слушать сие, на вышней степени, как будто б он был всегда уда-
ряемый, как то по самой большей части и есть ударяемый; чему я в своем
месте предложу достоверный и очевидный образец, музыкальными нотами
изображенный. Того ради, мню, всякому довольно есть уже чувстви-
тельно, что мой перевод не для того долженствует нехорошим быть, что
я употребил хореический гексаметр попеременно с ямбическим. Но смею
сказать, что еще я и очень хорошо то сделал для различия, которое всегда
успокаивает; а дерзаю и сие утвердить, что хореический стих при нежности
своей, приписываемой ему, столько ж благороден и высок, сколько и ямби-
ческий, буде уже не можно преклонить верить, что хореический стих есть
270 сроднее нашему языку, так что в самом ямбическом стихе женском рифма
самая полная и ничем как не преизобилующая, так и не оскудевающая,
падает не ямбом, но хореем.

Донесено уже вам мною, благосклонный читатель, что по Боаловой «Науке» увидите вы здесь Горациеву «Эпистолу» прозою. По сей положил я «Способ о составлении наших стихов». Он есть исправление и допол-
нение того, который выдан на свет в 1735 году. Я рассудил, что, говоря
с Горацием и Боалом о разных родах поэзии, надобно поговорить и о сло-